

ИТАЛО КАЛЬВИНО

---

*ЕСЛИ ОДНАЖДЫ ЗИМНЕЙ
НОЧЬЮ ПУТНИК...*

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.131.1
ББК 84(4Ита)
К17

Серия «Эксклюзивная классика»

Italo Calvino
SE UNA NOTTE D'INVERNO UN VIAGGIATORE

Перевод с итальянского *Г. Киселева*

Серийное оформление и дизайн обложки *Е. Фerez*

Печатается с разрешения наследников автора
и литературного агентства The Wylie Agency (UK), Ltd.

Кальвино, Итало.

К17 Если однажды зимней ночью путник... : [роман] / Итало Кальвино ; [пер. с ит. Г. Киселева]. — Москва: Издательство АСТ, 2019. — 352 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-113779-3

«Если однажды зимней ночью путник...» — это не просто роман, это десять историй, каждая со своим сюжетом, атмосферой и автором, и каждая заканчивается на самом интересном месте. Главные герои — Читатель и Читательница — пытаются прочитать эту книгу, оказываясь в литературном лабиринте. Кальвино играет с жанрами, идеями, героями, пространством и читателями. Изумительная проза, действительно оригинальная идея, сложная завораживающая структура...

УДК 821.131.1
ББК 84(4Ита)

© The Estate of Italo Calvino, 2002
© Перевод. Г. Киселев, 2019
© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

Даниеле Понкироли

Глава первая

Ты открываешь новый роман Итало Кальвино «Если однажды зимней ночью путник». Расслабься. Соберись. Отгони посторонние мысли. Пусть окружающий мир растворится в неясной дымке. Дверь лучше всего закрыть: там вечно включен телевизор. Предупреди всех заранее: «Я не буду смотреть телевизор!» Если не слышат, скажи громче: «Я читаю! Меня не беспокоить!» В этом шуме могут и не услышать. Скажи еще громче, крикни: «Я начинаю читать новый роман Итало Кальвино!» А не хочешь — не говори: авось и так оставят в покое.

Устройся поудобнее: сидя, лежа, свернувшись калачиком, раскинувшись. На спине, на боку, на животе. В кресле, на диване, в качалке, в шезлонге, на пуфе. В гамаке, если есть гамак. На кровати. Разумеется, на кровати. Или в постели. Можно вниз головой, в позе йоги. Перевернув книгу, естественно.

Идеальной позы для чтения, ясное дело, не найти. Одно время читали стоя перед подставкой для книг. Привыкли стоять как вкопанные. Это считалось отдыхом после утомительной верховой езды. Никому еще не приходило в голову читать на скаку. Хотя мысль заняться чтением в седле, водрузив книгу на загривок или приладив ее к лошадиным ушам специальной упряжью, кажется тебе заманчивой. А что, наверное, это удобно — читать, вдев ноги в стремяна. Хочешь сполна насладиться чтением — держи ноги на весу. Первейшая заповедь.

Ну вот, чего ты ждешь? Вытяни ноги, положи их на подушку, на две подушки, на спинку дивана, на подлокотник кресла, на чайный столик, на письменный стол, на пианино, на глобус. Но сначаланими тапочки. Если охота задрать ноги повыше. Если нет — надень тапочки. Только не сиди теперь с тапочками в одной руке и с книгой в другой.

Направь свет так, чтобы не уставали глаза. Желательно сделать это сразу, а то, когда начнешь читать, тебя уже не сдвинуть с места. Страница не должна оставаться в тени, иначе она превратится в крошево черных букв на сером поле, неразличимых, как стая мышей. Да смотри, чтобы на нее не падал слишком яркий свет, он будет отражаться от нестерпимо белой бумаги, обгрызая оттененные кромки шрифта, словно в знойный южный полдень. В общем, заблаговременно позаботься обо всем, дабы не отвлекаться от чтения. Ты куришь?

Сигареты и пепельница должны быть под рукой. Что еще? Надо пописать? Сообразишь — не маленький.

Не то чтобы ты ждал чего-то особенного, в особенности от этой книги. Ты уже из принципа ни от кого ничего не ждешь. Многие, кто помоложе, кто постарше тебя, пребывают в ожидании необыкновенного от книг, людей, путешествий, событий — словом, от всего того, что готовит нам день грядущий. Многие, но не ты. Ты прекрасно знаешь: лучше уже не будет, не было бы хуже. К такому выводу ты пришел не только из собственного, но и всеобщего, чуть ли не всемирного опыта. А что же книги? Так вот, когда ты понял, что на лучшее рассчитывать нечего, ты решил ограничиться довольно узким миром книг. Может, хоть здесь получишь удовольствие. Как в молодости, когда вечно на что-то надеешься. Плохо ли, хорошо ли выйдет — неизвестно. А разочаруешься — невелика беда.

Из газет ты узнал о новой книге Итало Кальвино «Если однажды зимней ночью путник». Автор уже несколько лет ничего не издавал. Ты пошел в книжный магазин и купил книгу. И правильно сделал.

Еще на витрине ты заметил нужную обложку. Зрительный след повел тебя вдоль плотных занавесов из Книг, Которых Ты Не Читал. Насупившись, они устрашающе поглядывали на пришельца с полок и прилавков. Но ты не должен поддаваться их внушению. Ты знаешь, что на книжных

просторах десятки гектаров занимают Книги, Которые Можно И Не Читать; Книги, Написанные Для Чего Угодно, Только Не Для Чтения; Уже Прочитанные Книги, Которые Можно Было И Не Открывать, Поскольку Они Принадлежали К Категории Уже Прочитанного Еще До Того, Как Были Написаны. Ты одолел передовой пояс укреплений, и тут на тебя обрушиваются ударные силы пехоты, сформированные из Книг, Которые Ты Охотно Бы Прочел, Будь У Тебя Несколько Жизней, Но Жизнь, Увы, Всего Одна. Стремительным броском ты обходишь их и попадаешь в самую гущу Книг, Которые Ты Намерен Прочесть, Но Прежде Должен Прочесть Другие Книги; Слишком Дорогих Книг, Покупать Которые Ты Подождешь, Пока Их Не Уценят Вдвое; Книг, Которые По Тем Же Причинам Ты Купишь, Когда Они Выйдут В Карманных Изданиях; Книг, Которые Ты Мог Бы Взять У Кого-Нибудь На Время; Книг, Которые Читали Все, Поэтому Можно Считать, Что Ты Их Тоже Читал. Отразив эти наскоки, ты вплотную подступаешь к стенам крепости, где заняли оборону

Книги, Которые Ты Давно Уже Наметил Прочесть;

Книги, Которые Ты Безуспешно Искал Годами;

Книги О Том, Чем Ты Занимаешься В Данный Момент;

Книги, Которые Желательно Иметь Под Рукой На Всякий Случай;

Книги, Которые Ты Мог Бы Отложить, Скажем, До Лета;

Книги, Которых Недостает На Твоей Книжной Полке Рядом С Другими Книгами;

Книги, Неожиданно Вызывающие У Тебя Жгучий И Не Вполне Оправданный Интерес.

Ну вот тебе удалось поубивать воинственные полчища. Их все еще много, но они уже поддаются исчислению. Впрочем, относительное затишье нет-нет да и нарушается дерзкими вылазками. Засаду устроили Книги, Прочитанные Давным-Давно; Теперь Настало Время Их Перечитать. Вместе с ними окопались Другие Книги; Ты Постоянно Делал Вид, Будто Читал Эти Книги; Пришла Пора Действительно Их Прочесть.

Ты резко сворачиваешь вправо, затем влево, уходишь от засады и с наскока врываешься в крепость Новинок, Автор Или Тематика Которых Тебя Привлекают. Внутри этой цитадели ты можешь пробить бреши в рядах защитников, разделив их на Новинки Неновых (для тебя или вообще) Авторов Или Тематик и Новинки Совершенно Неизвестных (во всяком случае, для тебя) Авторов Или Тематик, и заодно определить, насколько они тебе интересны, исходя из твоих желаний, а также потребностей в новом и неновом (в новом, которое ты ищешь в неновом, и в неновом, которое ты ищешь в новом).

Словом, бегло взглянув на названия книг, выставленных в магазине, ты напрямик направля-

ешься к стопке свежеизданных «Если однажды зимней ночью путник», берешь один экземпляр и относишь его в кассу, чтобы установить на него твое право собственности.

Напоследок ты обводишь растерянным взглядом шеренги книг (вернее, это книги уставились на тебя в растерянности, как собаки, провожающие из клеток городского приемника своего бывшего товарища, которого уводит на поводке хозяин) и выходишь из магазина.

Есть особая прелесть в новой, только что изданной книге. Ты несешь с собой не просто книгу, но ее новизну, сравнимую хотя бы с новизной фабричного изделия. Недолговечная красота молодости свойственна и книгам. Она радуется взору, куда ранней библиотечной осенью не начинает желтеть обложка, не покрывается пепельным налетом обрез, не обтрепываются уголки переплета. Нет, каждый раз ты чаешь натолкнуться на истинную новизну: пусть, оказавшись однажды новизной, она пребудет ею навсегда. Прочитав едва вышедшую книгу, ты завладеешь ее новизной с первого мгновения, и тебе не нужно будет гнаться за ней по пятам. Что, если это тот самый случай? Кто знает. Посмотрим, как она начинается.

Скорее всего, ты принялся листать книгу еще в магазине. Или не смог — помешал плотный целлофановый кокон? Сейчас ты зажат в автобусной давке — повис, ухватившись за поручень, свободной рукой пытаешься развернуть бумажную обертку, совсем как обезьяна, которая одной лапой

очищает банан, а другой уцепилась за ветку. Осторожно, ты пихаешь локтями соседей! Хотя бы извинись.

А может, книгопродавец и не заворачивал книгу, а вручил ее в полиэтиленовом пакете? Это упрощает дело. Ты за рулем своей машины. Остановился у светофора, достаешь книгу из пакета,рываешь прозрачную упаковку, пробегаешь первые строки. На тебя накатывается шквал автомобильных гудков: загорелся зеленый свет, и ты застопорил движение.

Ты за своим рабочим столом. Книга как бы невзначай лежит среди деловых бумаг. Ты отодвигаешь одну из папок и прямо под носом обнаруживаешь книгу. С рассеянным видом ты открываешь ее, упираешься локтями в стол, стискиваешь виски сжатыми в кулак ладонями. Можно подумать, что ты углубился в изучение какого-то документа, на самом деле ты поглощаешь первые страницы романа. Медленно ты откидываешься на спинку стула, приподнимаешь книгу на уровень носа, легонько заваливаешь стул на задние ножки, выдвигаешь боковой ящик стола, чтобы положить на него ноги — положение ног во время чтения имеет первостепенное значение, — вытягиваешь ноги на поверхности стола, придавив ими бумаги, и без того лежащие мертвым грузом.

Тебе не кажется, что ты ведешь себя пренебрежительно? Пренебрежительно, разумеется, не в отношении работы (никто не собирается обсуждать твои профессиональные качества: допустим, твоя

деятельность органично вписывается в непродуванную сферу, составляющую весомую долю национальной и мировой экономики), а в отношении новой книги. Еще хуже, если ты принадлежишь — волей-неволей или вольной волей — к числу тех, для кого «работать» означает «работать всерьез», совершать — намеренно или без всякого умысла — нечто необходимое или по крайней мере небесполезное для других, а не только для себя. Тогда книга, которую ты принес на рабочее место в качестве такого амулета или талисмана, неумолимо искушает тебя, отвлекая на короткие мгновения от главного объекта твоего внимания — будь то электронный перфоратор, кухонные горелки, рычаги управления бульдозером или пациент, лежащий на операционном столе со вспоротым брюхом.

Короче, поумерь свой пыл. Придешь домой — там и раскроешь книгу. Вот сейчас — пожалуйста. Ты тихо-мирно сидишь у себя в комнате, открываешь книгу на первой странице, нет, на последней: сначала хочется посмотреть, не очень ли она длинная. К счастью, не очень. Сегодня длинные романы, наверное, лишены смысла. Понятие времени разлетелось на куски. Мы не в состоянии жить или думать иначе, как короткими временными отрезками, каждый из которых удаляется по собственной траектории и молниеносно исчезает. Непрерывность времени можно обрести разве что в романах той эпохи, где время уже не выглядело

неподвижным, но еще не взорвалось, эпохи, продолжившейся лет сто, не больше.

Ты вертишь книгу в руках, просматриваешь аннотацию на тыльной стороне суперобложки и на отгибе — общие, мало что говорящие фразы. Тем лучше: к чистому голосу книги не должны примешиваться посторонние голоса. Ты должен взять от книги свое без помех. Не важно, много или мало. Конечно, все это обхаживание книги, обчитывание книги, предваряющие собственно чтение, является частью удовольствия, получаемого от новой книги. Как всякое начальное удовольствие, оно длится ровно столько, сколько надо, если мы хотим, чтобы за ним последовало особое удовольствие от самого действия, то есть от чтения книги.

Итак, ты готов вкусить первые строки первой страницы. Ты приготовился распознать неповторимую манеру авторского письма. Не тут-то было. Ты совсем ее не узнаешь. Да и кто вообще сказал, что у нашего автора неповторимая манера письма? Скорее известно, что от книги к книге он меняется почти до неузнаваемости. Именно благодаря такой изменчивости мы его и узнаем. Правда, на сей раз кажется, будто он не имеет ни малейшего отношения к написанному им ранее, во всяком случае к тому, что ты помнишь. Ты разочарован? Поживем — увидим. Поначалу ты слегка сбит с толку. Такое бывает: встретишь человека, которого представлял себе совсем иным, и никак не можешь совместить его облик со своим представ-

лением. Но ты не останавливаешься. И чувствуешь, что книга все равно читается. Независимо от того, чего ты ждал от автора. Книга захватывает тебя сама по себе. Если разобраться, так даже лучше. Нежданно-негаданно ты обнаружил перед собой неизвестно что.

Если однажды зимней ночью путник

Роман начинается на вокзале. Пыхтит паровоз. Натужный выдох шатуна заполняет раскрытую главу. Клубы пара обволакивают краешек первого абзаца. К вокзальным запахам добавляется ароматное дыхание привокзального буфета. Кто-то смотрит сквозь мутные стекла, открывает застекленные двери бара. Внутри повисла легкая дымка. Все выглядит размыто, словно увиденное близорукими или воспаленными от угольной пыли глазами. Книжные страницы затуманились, подобно стеклам в старых поездах. Фразы окутало дымной пеленой. Дождливый вечер. Человек заходит в бар, расстегивает пальто. Его застигает облако пара. Свисток уносится по рельсам, лоснящимся дождевым гляncем.

Как паровоз, свистит и выдувает струи пара кофеварка. Пожилой бармен запускает ее, точно машинист, дергающий за ручку паровозного гудка. Таково первоначальное впечатление от очередности фраз второго абзаца, в котором сидящие за